

Столетник

(Газета "Жизнь и искусство", 1895)

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 1. М.: Худ. литература, 1970. С. 261 - 265.

Это происходило в большой оранжерее, принадлежавшей очень странному человеку -- миллионеру и нелюдиму, тратившему все свои несметные доходы на редкие и красивые цветы. Оранжерея эта по своему устройству, по величине помещений и по богатству собранных в ней растений превосходила знаменитейшие оранжереи в мире. Самые разнообразные, самые капризные растения, начиная от тропических пальм и кончая бледными полярными мхами, росли в ней так же свободно, как и у себя на родине. Тут были: гигантские латании и фениксы с их широкими зонтичными листьями; фиговые и банановые, саговые и кокосовые пальмы возвышали к стеклянному потолку длинные голые стволы, увенчанные пышными пучками раскидистых листьев. Здесь же росли многие диковинные экземпляры, вроде эбенового дерева с черным стволом, крепким, как железо, кусты хищной мимозы, у которой листья и цветы при одном прикосновении к ним мелкого насекомого быстро сжимаются и высасывают из него соки; драцены, из стеблей которых вытекает густой, красный, как кровь, ядовитый сок. В круглом, необычайно большом бассейне плавала царственная Виктория, каждый лист которой может удержать на себе ребенка, и здесь же выглядывали белые венчики индийского лотоса, распускающего только ночью свои нежные цветы. Сплошными стенами стояли темные, пахучие кипарисы, олеандры с бледно-розовыми цветами, мирты, апельсиновые и миндальные деревья, благоухающие китайские померанцы, твердолистые фикусы, кусты южной акации и лавровые деревья.

Тысячи различных цветов наполняли воздух оранжереи своими ароматами: пестрые с терпким запахом гвоздики; яркие японские хризантемы; задумчивые нарциссы, опускающие перед ночью вниз свои тонкие белые лепестки; гиацинты и левкои -- украшающие гробницы; серебристые колокольчики девственных ландышей; белые с одуряющим запахом панкрации; лиловые и красные шапки гортензий; скромные ароматные фиалки; восковые, нестерпимо благоуханные туберозы, ведущие свой род с острова Явы; душистый горошек; пеонии, напоминающие запахом розу; вервена, цветам которой римские красавицы приписывали свойство придавать коже особенную свежесть и нежность и потому клали их в свои ванны, и наконец, великолепные сорта роз всевозможных оттенков: пурпурного, ярко-красного, пунцового, коричневого, розового, темно-желтого, нежно-желтого, палевого и ослепительно-белого.

Другие цветы, лишенные аромата, отличались зато пышною красотою, как, например, холодные красавицы камелии, разноцветные азалии, китайские лилии, голландские тюльпаны, огромные яркие георгины и тяжелые астры.

Но было в оранжерее одно странное растение, которое, по-видимому, ничем не могло бы обратить на себя внимание, кроме разве своей уродливости. Прямо из корня выходили у него длинные, аршина в два, листья, узкие, мясистые и покрытые острыми колючками. Листья эти, числом около десяти, не поднимались вверх, а стлались по земле. Днем они были холодны, а ночью становились теплыми. Цветы никогда не показывались между ними, но зато торчал вверх длинный, прямой зеленый стержень. Это растение называлось Столетником.

Цветы в оранжерее жили своей особенной, для людей непонятной жизнью. Конечно, у них не было языка для того, чтобы разговаривать, но все-таки они друг друга понимали. Может быть, им для этого служил их аромат, ветер, который переносил цветочную пыль из одной чашечки в другую, или теплые солнечные лучи, заливавшие всю оранжерею сквозь ее стеклянные стены и стеклянный потолок. Если так изумительно понимают друг друга пчелы и муравьи, почему не предположить, что, хоть в малой степени, это возможно и для цветов?

Между некоторыми цветами была вражда, между другими -- нежная любовь и дружба. Многие соперничали между собою в красоте, аромате и высоте роста. Иные гордились древностью рода. Случалось иногда, что в яркое весеннее утро, когда вся оранжерея казалась наполненной золотой пылью и в распустившихся чашечках дрожали алмазы росы, между цветами начинался общий несмолкаемый разговор. Рассказывались чудные благоухающие истории о далеких жарких пустынях, о тенистых и сырых лесных уголках, о диковинных пестрых насекомых, светящихся ночью, о вольном, голубом небе